

## ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА И ЭПИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА\*

Типические места – один из наиболее своеобразных элементов структуры и поэтики эпического текста. Широкая распространенность, однотипность, разнообразие типических мест в эпосе разных народов объясняется тем, что они тесно связаны с сюжетной организацией эпоса, с последовательностью мотивов и сюжетных ходов. Б.Н. Путилов, описывая теорию эпических универсалий, замечает, что в эпическом творчестве разных народов существуют универсалии на сюжетном уровне, названные им мотивемами; мотивему Путилов определяет как «эпическую сюжетную тему»<sup>1</sup>. В качестве примера приводится комплекс мотивем, связанных с образом богатыря: «Представления о богатыре включают такие универсальные мотивемы, как чудесное/предуказанное рождение; необыкновенный рост, обретение фантастической силы и первый подвиг, чудесная помощь в критические моменты; предуказанность основных подвигов, то есть – запрограммированность судьбы; драматические отношения с родными (с отцом или сыном, сестрой, братом)... Универсалии, связанные с представлениями о богатырстве, укладываются в некое целое, обеспечивая создание типовой эпической биографии, создание законченного образа героя»<sup>2</sup>. Разумеется, в каждом конкретном сюжете присутствуют не все указанные мотивемы, комплекс их варьируется. Подобным образом можно представить и комплексы мотивем, связанные с отрицательными персонажами (врагами героя или героини), с семьей богатыря, родной землей и т.д. Таким образом, можно говорить о типических местах как об отражении сюжетных универсалий (т.е. универсальных мотивем) типизированными средствами, в типизированной форме.

Определяя универсалии эпического нарратива, Б.Н. Путилов пишет, что универсалиями могут являться «правила, нормы, ограничения, относящиеся к... способам описаний... стереотипы, определяющие систему нарративных приемов и элементов»<sup>3</sup>. Поскольку, как можно видеть (см. Там же), универсалии существуют на разных уровнях – от отношения эпоса к действительности до специфических приемов сказительского искусства, типические места, сами по себе являясь универсалией (поскольку органично входят в «систему нарративных приемов и элементов»), в то же время неотделимы от сюжетных универсалий (мотивем) и универсальных композиционных приемов. Так, мотивема встречи богатыря с незнакомцами композиционно оформляется следующими элементами: описание незнакомцев; приветствия; представление друг другу (кто, откуда, с кем в родстве); трапеза; разговор о деле, по которому прибыл гость (последние два элемента не являются обязательными, но часто упоминаются в тех случаях, когда богатырь приезжает в гости).

Систематизация сюжетных ходов (мотивем) по комплексам, связанным с теми или иными персонажами эпоса, была положена в основу структуры Указателя типических мест героического эпоса сибирских народов, разработанного Е.Н. Кузьминой<sup>4</sup>. Следует подчеркнуть, что речь идет не о самих сюжетных ходах (т.е. мотивемах), но о типизированных, клишированных способах представления, описаниях этих мотивем. При изучении репертуара типических мест эпоса тюркских и монгольских народов (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) была использована единая классификация, что дало возможность сравнить состав типических мест в текстах различных эпических традиций и выявить близкое сходство в сюжетной привязанности и в структуре типических мест, взятых из разных эпических текстов.

\* Статья выполнена при финансовом содействии гранта Президента РФ по поддержке ведущей научной школы (№ НШ-2289.2003.6) и интеграционного проекта СО РАН № 81 «Архаика тунгусского фольклора».

Типические места использовались и эвенкийскими сказителями: «Эпическими формулами певец пользуется как готовым поэтическим материалом, несколько изменяя их в зависимости от той или иной ситуации. В процессе исполнения он сможет добавить в сказание те или иные подробности. Традиционные формулы повторяются неоднократно при описании гнева, битвы богатырей, бега оленя или коня, победы, свадьбы, рождения и возмужания героя, пира и т.д.»<sup>5</sup>.

\*\*\*

Как и другие специфические черты эпического стиля, типические места нуждаются в пристальном внимании переводчика фольклорного текста. Специфические трудности перевода типических мест возникают в силу особенностей их расположения в тексте и функций в эпическом произведении. Как мы уже видели, типические места играют существенную роль в сохранении эпической традиции – с их освоения начинается обучение сказителя-ученика, они служат опорой при импровизации, поскольку привязаны к сюжетным или композиционным элементам сказания. Вот как отмечена эта особенность функционирования типических мест во вступительной статье к тому «Алтайские героические сказания»: «Существенную композиционную роль играют такие постоянные места и эпические формулы, которые стыкуют между собой моменты и фазы основного сюжета героического сказания. Они, в частности, сигнализируют об окончании предыдущего эпизода и как бы предупреждают слушателей о начале нового мотива или эпизода»<sup>6</sup>. Зная закономерности появления типических мест в тексте, степень их внутритекстовой привязанности, пределы их вариативности, переводчик может «ожидать» в определенных местах повествования то или иное типическое место, отслеживать появление его вариантов, сохранять без искажений устойчивые эпические формулы. Например, когда по ходу сюжета герой отправляется в далекую поездку, можно ожидать появления типического места в описании богатырского бега его коня (оленя); сличив это типическое место с аналогичным фрагментом в описании другой поездки, переводчик может установить степень сходства и различия двух вариантов одного типического места и руководствоваться этим при выборе наиболее точного перевода обоих фрагментов. Такой подход, с одной стороны, до некоторой степени облегчает работу переводчика: если для того или иного типического места уже найден максимально возможный эквивалент, он может быть использован как готовое клише при переводе аналогичного или близкого типического места в других эпизодах сказания. С другой стороны, при системной, последовательной передаче типических мест переводчик обязан отмечать малейшие различия в их вариантах и по возможности точно передавать эти различия в своем переводе. При невозможности отражения этих различий (например, варьирование грамматических форм, отсутствующих в языке перевода), возможно, целесообразно было бы отмечать эти фрагменты в комментариях к переводу, указывая, в чем именно состоит не отраженное переводом различие. Тогда в переводе фольклорного памятника была бы наиболее точно отражена специфика типических мест эпоса как одной из самых ярких черт стилистики эпического произведения.

Классификация типических мест, предложенная Е.Н. Кузьминой в Указателе, послужила основой для выделения типических мест героического эпоса эвенков. Конечно, в силу существенных отличий тунгусской эпической традиции от традиции тюркоязычных и монголоязычных народов набор типических мест Указателя не может быть применен полностью, без изменений, но сам подход, предложенный Е.Н. Кузьминой, является плодотворным для выделения типических мест в соответствии с комплексами мотивом в эпосе эвенков.

Нами исследованы два текста, исполнявшиеся известным эвенкийским сказителем Н.Г. Трофимовым: «Храбрый Содани-богатырь» (Сб бэе Сб дāнй мātā) (2632 стих. стк.) и «Богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» (Иһāрдан-дэвэрдэн тэтълкэн дэгилтэр сб нку Дэвэлчэн) (3143 стих. стк.). Один из текстов записан А.Н. Мыреевой, другой представляет собой самозапись Н.Г. Трофимова; оба сказания опубликованы в томе «Эвенкийские героические сказания» серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Но помимо типических мест, общих для разных традиций, в каждой эпической традиции имеется и набор типических мест, свойственных только ей. Это отмечает, например, С.М. Орус-оол, исследуя репертуар типических мест тувинского героического эпоса<sup>7</sup>. Как правило, такие типические места описывают явление, свойственное только данному народу или имеющее для этого народа особое значение; в тувинском эпосе к таким типическим местам относятся, например, выделенные С.М. Орус-оол описания горлового пения тувинцев. Присутствуют такие уникальные типические места и в эвенкийских сказаниях. В рассмотренных нами текстах есть три подобных уникальные константы.

#### Созывание скота

Де тариңилвй биһэмдэ  
Эр ая аһй Аякчан Ивекчāн киливлй  
Эр дыгин нулгилкэн тогурумчэлкэн  
Нюңун мблкāн курёлэ  
Окин нāда бмй  
Умнэ-дюрэ эңтэвкэһинэн-дэ  
Ахун биһин дурукман  
Дялум йһинчэрин курён бдан.

Эта славная девушка  
Аякчан Ивекчан-красавица,  
Всякий раз, когда было нужно,  
По-оленьи хоркала раз-другой,  
И все [олени],  
Сколько их было,  
Битком набивались в загон.  
Тот загон был в четыре кочевки окружностью,  
В шесть жердей [по высоте].

(Содани-богатырь, стк. 273–280)

**Призыв к вниманию**

Бй түрэнмэв тэкэндукин дугэмэклэн  
Дблэвй дблдыкал,  
Сэндүвй силдыкал,  
Иргэлэвй иктэвкэл!

Мои слова от начала до конца  
Учуй нутром,  
Вкрути [себе] в уши,  
Вбей в мозг!

(Содани-богатырь, стк. 1534–1537)

Бй ая түрэнмэв  
Сэндүвй силдыкал,  
Дбдүвй дблдыкал!

Слова мои  
Вкрути [себе] в уши,  
Учуй нутром!

(Дэвэлчэн, стк. 1187–1189)

**Предварение разговора**

Дюкрэ дорбвоё дявакалду,  
Амаргүптын улгүр бүнән!

Вы двое, примите привет,  
А потом будет разговор!

(Содани-богатырь, стк. 615–617)

Ноноптын дорбво бигин,  
Амаргүн улгүр бигин!

Сначала привет,  
Потом – разговор!

(Дэвэлчэн, стк. 853–854)

Термины «созывание скота», «призыв к вниманию» и «предварение разговора» предложены нами, поскольку в изученной литературе данные типические места не имели никаких специальных названий.

Первое из этих типических мест (созывание скота) встречается в текстах всего трижды, поэтому не дает возможности делать выводы о степени устойчивости и вариативности своего состава; в дальнейшем мы не будем рассматривать его с точки зрения перевода.

Призыв к вниманию встречается в тексте обоих сказаний в начале практически каждой беседы положительных героев между собой; формула же предварения разговора встречается в начале разговора вновь встретившихся персонажей, независимо от того, друзья они или противники. Так приветствуют друг друга даже враги перед схваткой<sup>8</sup>. Выбранные нами примеры являются, по сути, устойчивыми формулами; это делает их удобными для исследования, так как в них легко проследить вариации, подвижность лексического состава, изменение обычно количества строк. Кроме того, примеры использования этих формул в текстах достаточно многочисленны: призыв к вниманию представлен в двух сказаниях 19 раз в 18 вариантах, т.е. дважды повторяется только один вариант; предварение разговора встречается в двух текстах 20 раз в 16 вариантах (один вариант использован 4 раза, остальные не повторяются).

Выделим несколько способов варьирования типических мест, требующих особого внимания переводчика:

1. *Варьирование грамматических форм* (в исследованных нами примерах варьировались формы глаголов, составляющих основу типического места):

1)  
Сй нян бй түрэнмэв  
Сэндүвй силдыкал,  
Дбдүвй дблдыкал,  
Иргэлэвй иктэвкэл!

Мои слова ты тоже  
Вкрути [себе] в уши,  
Учуй нутром,  
Вбей в мозг!

(Содани-богатырь, стк. 1883–1886)

2)  
Де тарит бй иччилэк түрэнмэв  
Иргэлэвй иктэвуксэ,  
Дблэвй дблдыксэ,  
Сэндүлавй силдыксэ,  
Мундү артыкйа бүкэл...

Поэтому вещице слова мои  
Вбей [себе] в мозг,  
Учуй нутром,  
Вкрути в уши!..  
Дай нам дорогу...

(Дэвэлчэн, стк. 2230–2233)

В первом примере употребляются глагольные формы с аффиксом *-кал* (*-кэл*), образующим форму повелительного склонения 2 л. ед.ч.<sup>9</sup>: *силдыкал* – «вкрути», *дблдыкал* – «учуй», *иктэвкэл* – «вбей». Во втором примере употреблены формы с аффиксом *-ксэ* (*-кэсэ*); этот аффикс образует деепричастия со значением действия, предшествовавшего другому действию<sup>10</sup>. Грамматически точный перевод этих форм выглядел бы так: *иктэвуксэ* –

«вбив (после того как вобьешь)», *дблдыксā* – «учуяв (после того как учуешь)», *силдыксā* – «вкрутив (после того как вкрутишь)». В данном примере последующее действие выражено глаголом *букэл* – «дай». В переводе же значение предшествующего действия не передано, перевод указанных глагольных форм совпадает с переводом форм на *-кал (-кэл)*. Это значение можно восстановить только из контекста.

1а. Помимо этого в наших примерах имеется и другой случай варьирования форм, во многом отличный от описанного. Вот эти примеры:

- |  |  |
|--|--|
| 1)<br><b>Ноноптын</b> дорбо вогин,<br><b>Амаргунтын</b> улгур бгин!      | <b>Сначала</b> привет,<br><b>Потом</b> уже разговор!<br>(Содани-богатырь, стк. 951–952)      |
| 2)<br><b>Ноноптын</b> дорбо вогин,<br><b>Амаргун</b> улгур бгин!         | <b>Сначала</b> привет,<br><b>Потом</b> разговор!<br>(Дэвэлчэн, стк. 256–257)                 |
| 3)<br><b>Ноноптывāн</b> дорбоё дявакал,<br><b>Амаргунтын</b> улгур бгин! | <b>Сначала</b> прими привет,<br><b>Потом</b> поведем разговор!<br>(Дэвэлчэн, стк. 1476–1477) |
| 4)<br><b>Нономо</b> дорбоё дявакал,<br><b>Амаргунтын</b> улгур вогин!    | <b>Сначала</b> прими привет,<br><b>Потом</b> начнем разговор!<br>(Дэвэлчэн, стк. 2857–2858)  |

Формы *нономо*, *ноноптын*, *ноноптывāн* («сначала, сперва») не отличаются по значению, так же как формы *амаргунтын* и *амаргун* («потом, затем»). Поэтому в переводе они могут быть переданы одинаково, что и показывают приведенные примеры: для форм *нономо*, *ноноптын*, *ноноптывāн* всегда выбирается перевод «сначала», для форм *амаргунтын*, *амаргун* всегда использован перевод «потом». Возможно, для отражения различия форм, пусть и не несущего в себе оттенков смысла, можно было бы использовать в переводе синонимы (например, однокоренные: «для начала»), чтобы в переводе также существовало небольшое отличие разных вариантов формулы.

## II. Распространение лексического состава строки (см. следующие примеры):

- |   |  |
|---|--|
| 1)<br><b>Бэ бими</b> бй терэмэв<br>Сэндүвй силдыкал,<br>Иргэлэви иктэвкэл,<br>Дбдүвй дблдыкал!                | <b>Если ты человек</b> , то слова мои<br>Вкрути себе в уши,<br>Вбей в мозг,<br>Выслушай нутром!<br>(Содани-богатырь, стк. 1838–1841) |
| 2)<br><b>Бй түрэмэв тэкэндукин дугэмэкэлбн</b><br>Дблāвй дблдыкал,<br>Сэндүвй силдыкал,<br>Иргэлэви иктэвкэл! | <b>Мои слова от начала до конца</b><br>Учуй нутром,<br>Вкрути [себе] в уши,<br>Вбей в мозг!<br>(Содани-богатырь, стк. 1534–1537)     |
| 3)<br><b>Сй нян</b> бй түрэмэв<br>Сэндүвй силдыкал,<br>Дбдүвй дблдыкал,<br>Иргэлэвй иктэвкэл!                 | <b>Мои слова ты тоже</b><br>Вкрути [себе] в уши,<br>Учуй нутром,<br>Вбей в мозг!<br>(Содани-богатырь, стк. 1883–1886)                |

4)  
**Бй бзедь** түрэнмэв  
 Сэндүвй силдыкал,  
 Иргэлэвй иктэвкэл,  
 Дблэвй дблдыкал!

**Человеческим языком** сказанные слова мои  
 Вкрути [себе] в уши,  
 Вбей в мозг,  
 Учуй нутром!

(Дэвлэчэн, стк. 427–430)

5)  
**Иччилэкмэ** түрэнмэв  
 Иргэлэвй иктэвкэл,  
 Сёнмалэвй силдыкал,  
 Дблэвй дблдыкал!

**Вещи** мои слова  
 Вбей [себе] в мозг,  
 Вкрути в уши,  
 Учуй нутром...

(Дэвлэчэн, стк. 1613–1617)

6)  
**Бй сурури** түрэнмэв  
 Сэндүвар силдыкалду,  
 Дблүвар дблдыкалду,  
 Иргэлэвэр иктэвкэлду!

**Мои прощальные** слова  
 Вкрутите [себе] в уши,  
 Учуйте нутром,  
 Вбейте в мозг!

(Дэвлэчэн, стк. 2068–2071)

Как видим, в приведенных примерах изменяется состав первой строки типического места: в него добавляются указания на адресата сообщения (*Бэе бими* – «Если ты человек»; *Сй нйи бй түрэнмэв* – «**Мои слова** ты тоже...») или характеристика произносимых слов (*Иччилэкмэ түрэнмэв* – «Вещи мои слова»; *Бй бзедь түрэнмэв* – «Человеческим языком сказанные слова мои»; *Бй сурури түрэнмэв* – «**Мои прощальные слова**»; *Бй түрэнмэв тэжндукин дугэмэкэлэн* – «**Мои слова от начала до конца**»).

Таким же образом может расширяться состав первой строки и в более короткой формуле предварения разговора:

7)  
**Дюкрэ** дорбвоё дявакалду,  
 Амаргүптын улгүр бннән!

**Вы двое**, привет примите,  
 А потом будет разговор!

(Содани-богатырь, стк. 616–617)

8)  
**Ңи-дэ бимй** дорбвоё дявакал,  
 Амаргүптын улгүр бгин!

**Кто бы ты ни был**, прими привет,  
 Потом будет разговор!

(Содани-богатырь, стк. 1742–1743)

Здесь, как видим, в первую строку также добавлены указания на адресат обращения. Форма остальных строк формулы остается неизменной. Соответственно, перевод 2–4 строк призыва к вниманию и 2-й строки предварения разговора не претерпевает никаких изменений. Есть только два примера, когда варьированию подвергается не первая строка:

9)  
 Бй түрэнмэв  
 Дблэвй дблдыкал,  
 Иргэлэвй иктэвкэл,  
 Дылдивй дялдякал!

**Мои слова**  
 Учуй нутром,  
 Вбей [себе] в мозг,  
**Обдумай** головой.

(Дэвлэчэн, стк. 1698–1701)

10)  
 Дорбвоё дявакал!  
 Амаргүптын **эһй омцовро** улгүр бннән!

Сначала прими привет,  
 Потом начнем разговор, **который не позабудется!**

(Дэвлэчэн, стк. 2188–2189)

В примере 9 вторая строка фактически заменена сходной по смыслу; в примере 10 введена характеристика предстоящего разговора.





IV. *Варьирование порядка строк.* Поскольку рассматриваемые нами типические места являются достаточно устойчивыми формулами, случаи изменения порядка строк в них редки. На смысле фразы они никак не отражаются, однако переводчик должен тщательно следить, чтобы и порядок строк в переводе изменялся соответственно его варьированию в оригинале:

1)

Бй түрэнмэв  
Иргэлэвй иктэвкэл,  
Дблэвй дблдыкал,  
Сёндувй силыдкал!

Мои слова  
Вбей [себе] в мозг,  
Учуй нутром,  
Вкрути в уши!

(Содани-богатырь, стк. 392–395)

2)

Бй итчилэк түрэнмэв  
Дбдвй дблдыкал,  
Сёндувй силыдкал,  
Иргэлэвй иктэвкэл...

Мои вещие слова  
Учуй нутром,  
Вкрути [себе] в уши,  
Вбей в мозг!

(Дэвэлчэн, стк. 966–969)

В формуле предварения разговора изменения порядка строк не встретилось; формула состоит всего из двух строк, последовательность которых четко определена смыслом высказывания.

V. *Расширение типического места за счет введения в него новых строк:*

1)

Сү нян бй улгурэвэ  
Иргэлэвэр иктэвуксэл,  
Сёндүвар силдыксэл,  
Сёналэвкйл бкалду,  
Дбдүвар дблдыксэл,  
Дялдэвкйл бкалду!

Все вы! Эти мои слова  
Вбив [себе] в мозг,  
Вкрутив в уши,  
Оцените как следует!  
Учуяв нутром,  
Подумайте [над ними]!

(Содина-богатырь, стк. 2588–2593)

2)

Сү дбкрэ бй чбр түрэнмэв  
Дбр сэтынни бёга бмактаван  
Даран дявэвчэгачйн  
Сёрдүвар силдыкалду,  
Иргэлэвэр иктэвкэлду,  
Дблэвар дблдыкалду!

Звонкие мои слова  
Выслушайте парой ушей своих,  
Подобных двум молодым осенним лунам!  
Вкрутите [себе] в уши,  
Вбейте в мозг,  
Учуйте нутром!

(Дэвэлчэн, стк. 2114–2119)

3)

2115 Нүңнэ нбрдүс, дялүра ббмдүс  
2116 Дорбво бигин,  
2117 Амаргүптын улгүр бгин!

2116 Сначала привет  
2115 Твоему гладкому лицу и твоей мудрости,  
2117 Потом разговор.

(Содани-богатырь, стк. 2115–2117)

4)

2805 Сй нян ая дялум ирэндэдүс  
2806 Нономо дорбво бигин,  
2807 Амаргүптын улгүр бигин!

2806 Сначала тоже привет  
2805 Твоему славному облику,  
2807 Потом начнем разговор!

(Дэвэлчэн, стк. 2805–2807)

Между строками формулы встраиваются новые строки, дополняющие, уточняющие содержание основных строк, добавляющие в лаконичную поэтические описания (см. пример 2). Остальные строки либо остаются вовсе без изменений, либо незначительно варьируются (о вариациях лексического состава строк см. пункты II и III). В примерах 3 и 4 строки пронумерованы нами (в томе пронумерована каждая десятая строка), так как расширение состава формулы потребовало их перестановки в переводе в соответствии с нормами русского языка.

VI. *Сужение типического места*. В некоторых случаях в формулах отсутствует одна строка (это касается только формулы призыва к вниманию, т.к. формула предварения разговора и без того содержит только 2 строки):

1)  
 Бй ая тўрѣнмѣв  
 Сѣндўвй силдыкал,  
 Дбдўвй дблдыкал!

Слова мои  
 Вкрути [себе] в уши,  
 Учуй нутром!

(Дэвэлчэн, стк. 1187–1189)

2)  
 Бй тўрѣнмѣв  
 Дѣбр сѣндўвй силдыкал,  
 Эмңэ дбдўвй дблдыкал!

Мои слова  
 Вкрути [себе] в уши,  
 Учуй огромным нутром!

(Дэвэлчэн, стк. 2468–2470)

Пример 2 иллюстрирует любопытный случай варьирования типического места: помимо сужения (выпущена первая строка) наблюдается распространение состава третьей строки за счет нового эпитета.

Подводя некоторые итоги изучению проблем перевода типических мест героического эпоса, мы можем выделить несколько свойств типических мест, требующих особого внимания переводчика: это варьирование лексики и грамматических форм; расширение и сужение типических мест за счет ввода или исключения строк; распространение лексического состава строк, а также варьирование порядка строк в пределах формулы. Учитывая указанные особенности строения типических мест, переводчик должен отражать в переводе все нюансы сходства и различия множества их вариантов.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Путилов Б.Н. Универсалии эпического нарратива и его этнические/региональные вариации // Язык, литература, эпос (К 100-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского). – СПб.: Наука, 2001. – С. 411–417.

<sup>2</sup> Там же. – С. 413–414.

<sup>3</sup> Там же. – С. 412.

<sup>4</sup> Указатель типических мест героического эпоса сибирских народов (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов) / Сост. Е.Н. Кузьмина. – Новосибирск, 2005.

<sup>5</sup> Мырзева А.Н. Эвенкийские героические сказания // Эвенкийские героические сказания (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»). – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 87.

<sup>6</sup> Каташев С.М. Алтайский героический эпос // Алтайские героические сказания (Серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»). – С. 28.

<sup>7</sup> Орус-оол С.М. Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль). – М.: МАКС ПРЕСС, 2001. – С. 314.

<sup>8</sup> См.: Эвенкийские героические сказания. – С. 375, комм. к стк. 616–617.

<sup>9</sup> См.: Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь: В 2 т. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – Т. 2. – С. 453–454.

<sup>10</sup> См. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – С. 198.

<sup>11</sup> Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. – Т. 2. – С. 453–454.

<sup>12</sup> Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. – Т. 2. – С. 444–445; Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. – С. 102.